

29 МАЯ 1982
БАНУ (Речеринг, выступок)
БАНУ

Гусейн Джавид — один из тех парадоксальных художников, которые предполагают чуткий индивидуальный подход и адумчивое объективное истолкование. В его творчестве неомодные формы общения со временем и Миром. Джавид — романтик. Самые яркие и наглядные «внешние» конфликты он вводит «во внутрь» личности, они становятся зеркалом внутренних страстей, а чисто национальным проблемам он придает глобальное, общечеловеческое значение.

Для него характерны «вечные темы», восходящие к Фирдоуси, Хайяму, Физули, Гете, Байрону, титанические образы-символы типа Демона или Меджнуна. В джавидовской интерпретации этих тем и образов находят выражение тревоги, поиски и ошибки многих поколений; он стремится вновь (после великих романтиков Востока и Запада) их синтезировать. Вместе с тем здесь очевидно социальное беспокойство и напряженность его эпохи — почти физическое ощущение приближающейся исторической бури, великой революционной грозы, призванной освободить мысли и страсти человеческие от многовековых оков. При всей своей глобальности, даже «космичности» Джавид был очень типичным поэтом начала XX века, сформировавшимся в условиях пробуждения Азии.

Наряду с такими мастерами слова, как А. Хамид, Т. Фикрет и М. Хади, Джавид является одним из основоположников «восточного романтизма» — нового типа демократической и философской поэзии на Ближнем Востоке. На долю Джавида выпало также счастье стать одним из авторитетнейших зачинателей азербайджанской советской поэзии.

Гусейн Джавид по праву называется в числе художников, талантливо воспевающих нравственное величие советского человека, интернационализм и патриотизм которого стали неотъемлемой чертой его нравственного облика и характера.

В творчестве Джавида получила отражение сложная переломная эпоха великих социальных потрясений начала нашего века. Без учета широкого социального контекста русских революций 1905—1907 и 1917 годов, социалистической революции в Азербайджане, а также революций на Ближнем Востоке — в Иране и Турции —

нельзя по достоинству оценить художественное наследие Джавида, пройденный им жизненный и творческий путь. Ведь такой социальный полифонизм, столь интенсивное чередование исторических климатов и сезонов не могли не найти своего отражения в подвижной гармонии философских акцентов, ритмике и темпах художественного действия, которые были присущи творчеству Джавида. Если учесть, что в то время события, составляющие пройденный этап для народов России, продолжали еще долгое время жить в исторических судьбах Востока, Азии, то станут вполне понятными сложность и многоплановость факторов, оказавших влияние на столь чуткого художника, подверженного многим противоречиям эпохи, но всегда искреннего, мужественного и честного.

Свой творческий путь Джавид начал как «чистый» поэт. Весьма характерным является следующий отрывок из его раннего стихотворения, где юный Джавид под псевдонимом «Салик» переступает порог храма искусства в облике «джунуна», т. е. влюбленного:

Птица моей души снова
в траурном наряде,
Начала петь песню свою
о безмерных страданиях...
Кто стал причастным и горю
своего народа, у того
Сердце обливается кровью,
Таков и бедняга Салик,
Страдал из-за горестной
судьбы своего народа,
Он едва не превратился
в джунуна,
Возвышается каждый миг
его голос, как звук свирели.

Письмо, посланное поэтом в 1909 году из Стамбула, выражает более отчетливо и конкретно его чувство Родины и стремление служить ей: «Не-

Романтизм и романтика Гусейна Джавида

зависимость Кавказа, по сравнению с Ираном, я вижу в большей мере и светло... Ныне настоящая цель заключается в том, чтобы служить Родине, причем служить достойно.

С первых же проб пара чувство Родины и народа проявлялось у поэта в неразрывном единстве с его чувством интернациональной общности людей и дружбы народов. Г. Джавид с большим уважением относился к духовной культуре других народов, к их фольклору и языку. Одним из основных условий национального развития он считал приобщение к русскому языку и культуре. Г. Джавид писал: «Надо непременно изучать и знать тот самый русский язык, который считается важнейшим средством познания и осознания некоторых истин и вопросов у нас на Родине. Если учесть необходимость новооткрываемых наук, то на территории Кавказа ни одним из упомянутых выше языков (турецким, персидским и арабским, — Я. Г.), кроме русского, мы не достигнем этого. Обратное предположение есть тщетная мысль и бессмысленная химера».

В стихотворениях тех лет у поэта даже за традиционным образом возлюбленной вставал романтический образ Родины:
Возлюбленной не быть вдали
от глаз моих
Ведь создал образ я ее
в сердце своем,
Багреет, словно розы бутон,
Гибнет, мысля, плоть моя.
О, боже! Она и есть
Родина моя!

Все последующее творчество Джавида — поэт и мыслитель являлся практическим, действенным выражением как раз этой возвышенной любви и верности ей. А вот слова по-

эта, которые можно считать искренним признанием свято оберегаемого им морального кредо, разделяемых им нравственных принципов: «Вы знаете мою натуру. Я не гнушаюсь никакой черной работой. Однако... не захочу продать свое достоинство, оказаться в плену. Единственно чем я пленен — так это истиной и любовью. Я не соглашусь быть закованным в цепи рабства...». И не случайно поэт в студенческие годы в Стамбуле в свободное от занятий время занимался в чернорабочие. И он же выражал решительный протест против того, чтобы послать поздравление жестокому душителю свободы Султану Абдулгамиду.

Несомненно, Джавид является прежде всего автором философской и любовной лирики, поэтом, отстаивающим и возмечивающим славу классической азербайджанской и восточной лирики в XX веке. Традиционные стиль и метрика средневековой органически переплетаются в его поэзии, с одной стороны, с народно-песенным стилем, фольклорной манерой, а с другой — впитывают в себя новую философскую традицию западной романтической поэзии.

В этой любовной поэзии современность, то, что отличает XX век от времени Физули, заключается в гораздо большей степени в идейных особенностях, чем в признаках художественной формы.

Главный герой его философско-лирических миниатюр, этих «любковых картин» с этическим сюжетом является в действительности «мучеником» не любовных переживаний, а социальных несправедливостей. Он — жертва обычаев и традиций, золота и капитала. Нетрудно угадать в облике от-

вергнутого «влюбленного» черты «отверженного» капиталистической действительностью, который подвергается социальному и классовому гнету. Образ возлюбленной, имена Лейли и Хумар здесь являются скорее социальными метафорами, чем абстрактными символами. Возлюбленная у Джавида — не просто женщина, традиционно подвергающаяся своего любимого духовным страданиям, не представительница известных кругов — «салонная красавица», аристократка, а «чахоточная девушка», «угнетенная женщина Востока», страдающая вместе со своим любимым от невзгод эпохи.

В этих стихотворениях складываются более конкретные социальные отношения не только между лирическим «я» и «возлюбленной», но и между лирическим «я» и эпохой, судьбой, бытием и природой. Все превращается в частицу контраста между Влюбленным и Временем, становится способом его эстетического выражения.

Традиционно романтические черты приобретают у Джавида оттенки конкретного переживания, личностного страдания за отверженных и несчастных. «Для несчастных», «Вопль опечаленной души», «Сирота Энвер», «Маленький бродяга», «Чахоточная девушка», «Сирота при закате солнца» — вот основные герои сборников стихов «Минувшие дни» (1913) и «Весенние росы» (1917). Поэт не ограничивается противопоставлением хрупкости бездомного Энвера или угнетенной женщины грубой действительности. Хотя в стихах поэта и сохраняются идеал «общей любви», традиционные признаки суфизма, однако они постепенно все более уступают

свое место социально-классовым мотивам, изображению несправедливой социальной системы, размышлениям о революционной борьбе за свободу.

Идейно-художественная новизна сценических произведений Гусейна Джавида имела более радикальный характер и вызвала более бурную и глубокую реакцию в печати. В таких произведениях, как «Мать», «Марал», «Шейх Санан» и «Пропасть», закладывались основы нового стиля национальной сцены — фундамент стихотворного и романтического театра. После М. Ф. Ахундова зритель впервые сталкивался с невиданным поэтическим и романтическим миром, не имевшим по своей идейно-образной системе и эстетике аналогов в азербайджанской литературе. Еще в 1917 году критика проныцательно указала на несхожесть поэтики Джавида и существующих поэтических традиций: «В последнее время появились новые поэты. Их произведения свидетельствуют о начале нового литературного этапа. Самым могучим из них является Гусейн Джавид — автор «Весенних рос», «Марал», «Шейх Санан» и других произведений. Герои этих произведений — обычно мыслители-бунтари, напряженно переживающие противоречия эпохи, упорно ищущие правду и справедливость».

В первых произведениях драматурга трагические герои еще не видят подлинных корней темных страстей, «гнета и зла», господствующих в обще-

стве. Эти пьесы возникают скорее как трагедии идейных кризисов и духовных противоречий. Проблема «я и мир», противостояние этих двух начал занимают ведущее положение. Трагедии «Шейх Санан» и «Иблис» являются лучшими образцами, демонстрирующими конфликт этого типа. Но даже и Шейда в одноименной трагедии, этот маленький «философ», задумывается над всеобщими и вечными проблемами, которые занимали людей во все времена. Шейда говорит: «Меня страшно мучает сила, сущность которой состоит в опустошенности жизни, в абсурдности жизни». Его интересуют смысл бытия, цели и задачи человеческого бытия.

Все герои Джавида — правдоискатели. Каждая из его трагедий — это прежде всего трагедия беспокойного ума, страстно, самозабвенно, хотя часто и безрезультатно стремящегося в той или иной мере познать жизнь. Колесания и противоречия, присущие героям, связаны именно с этими иступленными поисками.

В трагедиях Джавида — три основных мотива: это — личность, пребывающая в поисках истины и справедливости («Шейх Санан», «Иблис», «Пророк», «Хромой Тимур», позднее «Хайям»); это кризис феодально-буржуазной морали («Марал», «Афет», «Пропасть»); это непосредственно социальные и классовые коллизии («Шейда», «Князь», «Сиявуш», «Азер», «Струнный саз», «Месть Дьявола»).

«Шейх Санан» [1914] — одна из самых сильных стихотворных трагедий Гусейна Джавида. Это, так сказать, «Лейли и Меджнун» его творчества. Многие большие деятели азербайджанского театра испытывали свое сценическое мастерство в постановках этой пьесы. Она имеет громкую сценическую историю и наибольшую славу среди всех трагедий Джавида. Ее счастливая сценическая судьба объясняется напряженной драматич-

ческой коллизией, кристальной чистотой человеческих побуждений, благой и гуманной философией, которые заложены в ее основе, а также необычайно высоким художественным мастерством.

Герой пьесы Санан — глава направления в исламе. Он искренне считает религиозную догму единственным учением, способным дать человеку счастье. Видимо, благодаря именно этой искренности весь Восток готов был преклониться перед великим шейхом. Однако в глубине души Санан мечтает о любви и, предпринимая бесконечные «миссионерские» походы, тайне ищет встречи с Возлюбленной, которую он встречает в Грузии, и она оказывается христианкой. Так любовь вступает в бурный конфликт с религиозной догмой, с религиозным мировоззрением вообще, ибо против этой любви ополчаются и мусульмане, и христиане.

Трагедия Санана углубляется еще и тем, что он рассматривает свое личное заблуждение как нравственный просчет всего человечества. Санан находит «луч истинный» на Кавказе, в Грузии, что сразу вызывает его из замкнутого круга мусульманского правоверия. Но и счастливая, жизнерадостная Грузия не свободна от гнета светских и религиозных пороков. Санан, отвернувшись от страстной любви Захры отчасти во имя веры, во всяком случае считавший эту любовь помехой и соблазном, в Грузии соглашается в течение двух лет пасти свиней во имя любви к Хумар. Преодоление «великим шейхом» религиозных преград (он пьет вино и надевает крест) и его разочарование во всех религиозных доктринах представляют собой нравственный подвиг, победу свободной мысли, свободного чувства над фанатизмом, выхолащивающей догматическое мировоззрение.

Яшар КАРАЕВ.
(Продолжение следует).